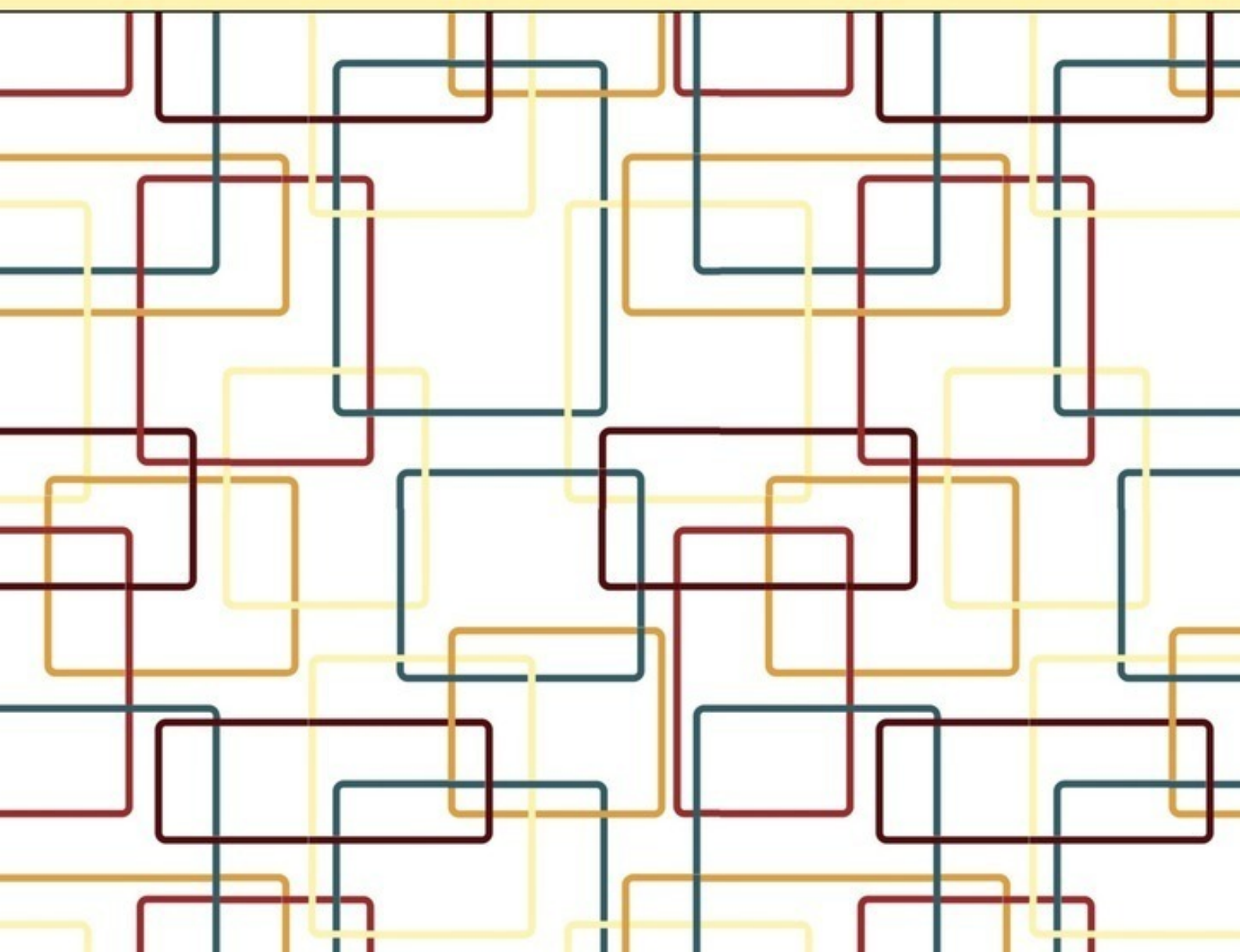

Анатолий Шалагин

Потерянный рай

НКВД против гестапо

Анатолий Шалагин

**Потерянный рай.
НКВД против гестапо**

«Издательские решения»

Шалагин А. В.

Потерянный рай. НКВД против гестапо / А. В. Шалагин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856615-8

Повесть посвящена противостоянию спецслужб СССР и Германии накануне и в период Второй мировой войны. Собирательный образ советского разведчика-нелегала Дмитрия Никитина вобрал в себя судьбы великих советских разведчиков Дмитрия Быстролетова, Александра Короткова и Арнальда Дейча. Книга адресована всем, кто интересуется отечественной историей.

ISBN 978-5-44-856615-8

© Шалагин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Потерянный рай НКВД против гестапо

Анатолий Владимирович Шалагин

© Анатолий Владимирович Шалагин, 2017

ISBN 978-5-4485-6615-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Плиний смотрел своими сгоревшими от старости глазами на тлеющие в жаровне угли. Язычки пламени, поначалу дружные и шумные, но теперь утратившие свою силу, едва прорывались через седеющую золу. Блеск этих золотисто-пунцовых огней постепенно угасал, а вместе с ними тускли и глаза старика.

– Учитель – услышал он за спиной срывающийся от волнения фальцет Маркуса.

Старик оглянулся и увидел двенадцать пар устремленных на него глаз.

«Какие же они молодые – подумал он – У них глаза горят даже в сумерках. Интересно, почему с годами этот блеск уходит? Глаза – зеркало души. Отрывается душа от тела, и глаза постепенно гаснут. Взволновались, мои воробушки. Подумали, наверное, что я направился в царство мертвых. Да, нет, мои хорошие, час мой, видимо, еще не пришел...».

– Ну, так на чем мы остановились, Маркус? – улыбнувшись своим беззубым ртом, спросил старик.

– На Гиперборее, учитель – радостно воскликнул ученик.

– Ах, да. Гиперборея... – задумчиво произнес Плиний. Он разгладил свою редкую седую бороду, расправил тунику, которая едва согревала его худое тело, и продолжил – Аврелий, дружок, подай мне покрывало, а ты, Юнон, добавь углей в жаровню, холодно сегодня.

Юноши кинулись выполнять поручение своего любимого наставника, даже не задумываясь о том, чего это вдруг старику холодно, когда на дворе летний день и с моря дует такой теплый ветер.

Молодые люди расселись по своим местам и устремили на Плиния свои широко открытые, пытливые, жаждущие новых знаний, взгляды, и старый учитель заговорил:

– За Рипейскими горами, по ту сторону Аквилона, который еще называют Бореем, живут племена, о которых мы мало что знаем – он на минуту смолк – Мы их называем живущими за Северным ветром, или гиперборейцами. Люди эти когда-то были, да и сейчас остаются нашими братьями по крови. Нашим общим отцом был великий Аполлон. И жили мы когда-то рядом...

– Они жили здесь!? – загалдели ученики.

– Да, нет, что вы? – улыбнулся он – Когда-то мы жили... там.

В комнате повисла тишина. Плиний с наслаждением настоящего учителя видел, каким огнем загорелись глаза его учеников.

– Да, да – улыбнувшись, продолжил он – Не думайте, что ваш учитель потерял разум. Тысячу лет назад наши праотцы покинули те края за Северным ветром и основали города здесь. А наши братья остались на нашей родине – он тяжело вздохнул – За эти годы мы многое подзабыли о своих корнях. А меж тем гиперборейцы продолжают жить по древним великим законам. Они счастливы, и живут они намного дольше нас. Там, в Гиперборее, находятся петли мира и крайние пределы обращения светил. Солнце там не заходит за горизонт в течении полугода, и это один целый нескончаемый длинный-преддлинный день. И есть ночь, она тоже длиною в полгода. – Плиний с минуту помолчал, а потом заключил – Гиперборея или, как

ее называли эллины, Арктида, находится вся на солнце, она лишена всякого вредного ветра и омывается теплым морем.

Учитель смолк. В воцарившейся тишине были слышны только поющие за окном птицы. Но вскоре раздался голос Париса:

– Учитель, а их кто-нибудь видел?

– Хороший вопрос, мой мальчик – отозвался Плиний – многие пытались найти Гиперборею, но никто из тех краев не вернулся. В библиотеке этого дворца я когда-то читал легенду о Пифее, который давным-давно достиг нашей далекой родины. Так вот, Пифей нашел там странную субстанцию, на которой держалось все. И земля, и вода, и даже воздух. Субстанция сея была похожа на студень, по которому нельзя не пройти, не проплыть на корабле. А гиперборейцы передвигались по ней на железных ладьях и летали по воздуху на железных птицах...

– И это правда? – воскликнул Маркус.

– Трудно сказать, но ведь кто-то каждый год передает через заморских купцов на остров Делос дары для бога Аполлона. Эти купцы говорят о гиперборейцах. Ну-ка, ребята, идите сюда – он взял лежащий на столике пергамент и, макнув в склянку с краской деревянную палочку, начал рисовать.

– Вот смотрите – сказал он сгрудившимся вокруг него ученикам – Гиперборейцы строят свои дворцы из семи гигантских платформ, наложенных одна на другую, уменьшающихся к вершине и окрашенных в разные цвета. Такие дворцы имеют башню, ориентированную на четыре стороны света и символизирующую собой космос. А плиты – это символы планет. Наверх ведет гигантская спиральная лестница. А там, на верху – большое святилище с круглым золотым столом в центре.

– Учитель – удивленным голосом спросил Парис – Но ведь примерно также была устроена башня в Вавилоне.

– Умница, дружок – ласково ответил старик – И не только в Вавилоне. Так устроены святилища в разных концах света. И все они – копии дворца в Гелиополе – столицы Гипербореи.

Когда ученики вернулись на свои места, Плиний продолжил:

– Все мы вышли оттуда. И многое потеряли за эти годы. В Гиперборее неизвестны раздоры и всякие болезни. Там нет войн. Так, наверное, и должен выглядеть рай. Там конечно тоже есть смерть, но она приходит только от пресыщения жизнью. После вкушения пищи и легких наслаждений старости гиперборейцы бросаются с какой-нибудь скалы в море. Это – самый счастливый род погребения...

Старик замолчал. Молчали и ученики, потрясенные только что услышанным.

Часть первая

***

Снег падал мохнатыми хлопьями, бесшумно покрывая белоснежным саваном промозглую землю. А она, взъерошенная осенними дождями и ветрами, с нетерпением ждавшая момента, когда можно было прикрыть свою грязную наготу, с какой-то невероятной жадностью принимала этот наряд. Кочки и буераки, покрытые осенней пожухлой травой, с началом снегопада на глазах начали превращаться в аккуратные холмики и бугорки.

Человеку, присевшему передохнуть на одиноко стоявшем среди поля трухлявом болотном пне и вытянувшему в изнеможении свои уставшие ноги, эта белоснежная феерия до боли напомнила мамины пасхальные куличи. Там, в далеком его детстве, мать мазала свежеспеченные в духовке булочки взбитым с сахаром куриным белком, который, застывая, становился вот таким же белым – белым.

От этих воспоминаний желудок издал предательское урчание. Человек засунул руку в карман и извлек оттуда небольшой газетный сверток. Развернув дрожащими руками замызганную бумагу, он достал небольшой кусочек засохшего сыра.

«Ну, вот и все – подумал он – Вот и все что осталось от моего скромного провианта, который я прихватил с собой в дорогу».

Он положил на язык пластик сыра и стал его смаковать, пытаясь продлить удовольствие. Но сделать ему этого не удалось, вскоре сыр вместе со слюной проскочил в желудок.

Сейчас в этом заросшем щетиной, одетом в грязное драповое пальто и помятую шляпу с обвисшими от сырости полями было трудно узнать еще в недавнем прошлом завсегдатая лучших берлинских ресторанов и закрытых клубов. Того, кто еще три недели назад пил на брудершафт с высшими чинами Люфтваффе.

Где-то вдалеке зацокала своим клювом сорока, птица умная и осторожная, способная безошибочно предупреждать обитателей леса и его гостей о грядущей опасности.

Человек осторожно опустился на землю, пытаясь раствориться в окружающем его ландшафте.

«Ах, как некстати – подумал он – Я в своем черном пальто на снежном поле виден как на ладони...».

Вскоре из-за ближайшего березового колка показалась груженная сеном телега, запряженная гнедой кобылой. В телеге, откинувшись на копну сена, восседал одетый в тулуп мужик неопределенного возраста. Телега двигалась тяжело. По раскисшей земле колеса шли юзом. Обода телеги были обмотаны толстым слоем грязи. Воз полз все медленнее и медленнее, и вскоре вообще остановился. Лошадь, фыркая, обнюхивала воздух, видимо, лоя своим нутром знакомые запахи. На удивление возница никак не отреагировал на самостоятельность кобылы. Он как сидел на своем месте, так и продолжал сидеть.

«Спит что ли? – подумал распластанный на земле человек – Может, пьяный?»

Лошадь, так и не уловив в морозном воздухе запаха дома, тревожно заржала. Мужик в телеге не пошевелился.

«Да, крепко дрыхнет. А мне что, так и лежать в этом снегу? – думал продрогший до нитки беглец.

До этой злосчастной телеги было всего каких-то 30 метров. Лежать и ждать, когда возница проспится и двинется в путь, было глупо. Можно было воспользоваться его сном и скрыться в лесочке. А если в это время он откроет глаза?

Озноб сковывал все его тело. Казалось, что холод добирался до самых потаенных уголков плоти, туда, где тревожно билось его сердце. И это сердцебиение почему-то он ощущал

не в груди, а где-то в глубине живота. Может и правду говорят, что сердце от страха уходит в пятки? «Но тогда бы пульсировали пятки, а не живот» – подумал он.

И тогда человек решился. Он медленно встал на колени, потом сделал попытку подняться на ноги. Лошадь, заметив неожиданное движение в снегу и испугавшись этого, резко дернулась. От этого восседавший на телеге мужик... повалился на землю. Кобыла изо всех сил тянула непомерно тяжелую телегу от внезапной опасности. А тело ее хозяина, сцепленное с упряжью вожжами, волочилось по первому снегу, оставляя за собой кровавый след.

«Мертвый!...» – мелькнуло в голове у человека, все еще стоящего на коленях. Он с трудом поднялся на ноги, отряхивая с одежды налипший снег.

А кобыла каким-то своим животным чувством, наконец, узнала в нем человека. Она прекратила свои бесплодные попытки тянуть неподъемную тяжесть и, остановившись, жалобно заржала.

Человек медленно двинулся в сторону воза, невольно сторонясь кровавой дорожки, которая тянулась за телегой и с каждой новой снежинкой становилась все бледнее.

Он подошел к лошади, которая протянула к нему свою умную голову и начала обнюхивать незнакомца. Какое от нее шло тепло! Человек невольно прижался к мохнатой шее животного, наслаждаясь теплотой живого существа. А лошадь, восприняв это движение человека как ласку, радостно зафыркала.

Постояв вот так минуты две и переведя дух, человек двинулся к лежащему ничком на земле крестьянину. Он с трудом перевернул грузное тело. И невольно отпрянул от открывшейся ему картины. Из-за распахнутого тулупа на груди мужчины виднелось багровое пятно, в центре которого торчала рукоятка ножа с отчетливо выгравированной на немецком языке надписью «Не нам, не нам, но имени твоему».

Превозмогая внезапный приступ тошноты, он стал проверять содержимое карманов несчастного. Как и следовало ожидать, находки были небогатыми. Кусок бечевки, металлический крючок, о назначение которого ему приходилось только догадываться, коробок с солью и кисет с самосадам.

«Не густо – подумал он – Может быть, в телеге что-нибудь найдется?»

Он подошел к телеге, приподнял примятое сено в том месте, где сидел крестьянин. «Пусто» – заключил он, по началу ничего не обнаружив. Но тут его внимание привлек лоскут ситцевой ткани, едва торчавший из-под сена. Он потянул ткань на себя. И тут из сухой травы с шелестом вывалился небольшой сверток.

Беглец дрожащими руками развернул эту незамысловатую упаковку. И, о чудо! В тряпицу был завернут ломоть хлеба и кусок сала. Держа все это в руках, мужчина опустился на землю и... заплакал. Слезы бежали по его давно немытому и небритому лицу и все никак не могли остановиться. Это были и слезы радости от внезапной удачи, и слезы отчаяния от понимания того, что впереди его ждал еще очень долгий путь...

...Он поднялся с земли и опять подошел к трупу, который уже был припорошен снегом. Отвязывая вожжи, которыми были стянуты запястья убитого, мужчина размышлял: «Не просто тебя, горемычный, убили. А вот еще и усадили в твою телегу, и вожжи закрепили, чтобы видимость создать. Мол, едет себе захмелевший мужичок и пусть едет себе дальше. Странное какое-то убийство. И нож какой-то странный. „Не нам, не нам, но имени твоему“. Что бы это значило? Хотя, какая разница? Нужно что-то с трупом делать. Место здесь глухое. Пока его найдут, зверье беднягу обглодает. Да и лошадь околеет. А она может единственная во всем небогатом крестьянском хозяйстве?».

Мужчина подошел к лошади и неумело, больше по наитию, стал ее распрягать. А гнедая терпеливо ждала, когда человек освободит ее от хомута. Наконец, справившись с нелегкой для коренного горожанина задачей, он потрепал лошадь по холке и, хлопнув ее по крупу, сказал в полголоса: « Ну, давай, иди, ищи свой дом».

Потом он вернулся к телу крестьянина, стащил с уже остывшего тела тулуп и сапоги, при этом невольно прося прощение у мертвого незнакомца. Без крестьянского незамысловатого гардероба ему было не обойтись. Он попросту замерзнет в своем когда-то модельном пальто, сшитом в одном из модных берлинских ателье. А его некогда лакированные туфли, теперь больше похожие на смятые колоши, совсем уже не согревали ноги.

В завершении неприятной процедуры мужчина извлек из груди убитого нож со странной надписью. Орудие убийства больше походило на штык, его заостренное лезвие длиной около 15 сантиметров было конусовидным и четырехгранным. Обтерев лезвие клинка клоком сена, он спрятал его во внутренний карман своего пиджака, в дороге ему могло пригодиться все.

Переодевшись, он затащил тело крестьянина на телегу и завалил его сеном. Может быть, хоть так тело сохранится?

А меж тем на землю опускались ранние осенние сумерки. Нужно было уходить с этого продуваемого всеми ветрами открытого поля и искать место для ночлега...

***

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер за многие годы своей беспокойной жизни уже привык к резким поворотам судьбы.

Но сейчас он понимал, рок преподнес ему не очередной свой крутой вираж, которые он научился, в общем-то, легко преодолевать, сегодня судьба грозила ему катастрофой. Катастрофой его амбициозным планам, крахом его надежд и мечтаний. Судьба приготовила ему духовную, а может быть и физическую, гибель! Он, рожденный под знаком Льва, не мог с этим смириться. Звезды предрекали ему власть, волю, энергию и силу, и так пока все и складывалось, но теперь достигнутое с таким трудом могло рухнуть в одну минуту.

Гиммлер знал и слабые стороны своей астральной натуры. Гордость, тщеславие, стремление к тирании, чрезмерное чувство собственной значимости... Но, как настоящий Лев, он умел использовать других для достижения собственных целей. И вот теперь...

Злой рок в облике Вилли (Вильгельма) Лемана преподнес ему такой урок, ради которого стоило прожить в этом мире полвека. Ну, кто бы мог подумать, что этот успешный в карьере, успешный и в семейной жизни человек, пусть даже и не разделяющий идеологию нацизма, вот так вот легко, без особого материального интереса, без высокопарных слов о великом предназначении идей коммунизма, оказался агентом красных? На чем они его сломали?

«Наши ищейки – думал он – проверили все и вся. Репутация идеальная, если конечно не считать его двоюродной бабки по материнской линии, которая была на четверть еврейкой. Послужной список безупречный. Конечно, были заскоки в молодости. А у кого их не было после позорного Версальского договора? Тогда в Германии был полный разброд и шатания. Но он же не примкнул к идиотам типа Либкнехта или Тельмана – Гиммлер даже споткнулся в своих размышлениях, вдруг поняв, что слова идиот и идея – однокоренные – Он работал на нас. Так, что же его сломало?..»

Гиммлер нажал кнопку вызова дежурного офицера, вмонтированную в его рабочий стол и, когда офицер вытянулся перед ним на вытяжку, сказал:

– Пауль, машину к подъезду. Я вернусь – он посмотрел на громоздкие напольные часы, стоявшие в углу его кабинета – часа через три. К моему приезду подготовьте мне личные дела всех начальников управлений и отделов РСХА¹ – слово «всех» он подчеркнул особо.

Офицер вышел. А хозяин кабинета снял золоченое пенсне, аккуратно уложив его в футляр, достал из ящика стола диктофон и перемотал пленку на начало записи.

---

¹ РСХА – управление Имперской безопасности, включающая в себя разведывательные и карательные подразделения (СС, гестапо, управление концентрационных лагерей, политическую разведку и др.)

«Интересно, а Кальтенбрюннер возьмет на встречу такую штучку? – подумал он – Наверняка. Эта лиса захочет подстраховаться».

Гиммлер засунул диктофон в карман своих брюк, вытянул едва заметный микрофон наружу и, подойдя к зеркалу, убедился в том, что спрятанного диктофона не видно. «Слава тому, кто первым изобрел галифе – ухмыльнулся он – в их карманы можно спрятать все, что угодно»

Он вышел из подъезда своей канцелярии на Вильгельмштрассе, сел в машину и приказал водителю ехать к восточной окраине Берлина.

Гиммлер специально назначил встречу со своим визави не у себя в кабинете и не в резиденции шефа управления имперской безопасности третьего рейха, расположенной на Принц-Альбрехтштрассе, а в неприметном особнячке на окраине германской столицы. Он был уверен, что этот «объект» был свободен от прослушивающих устройств. А вот в том, что микрофонами не были напичканы их с Кальтенбрюннером кабинеты, он уверен не был. В рейхе все представители военной и политической верхушки следили друг за другом. Уж, Гиммлеру это было известно как никому другому.

И он сам, и тем более Кальтенбрюннер, были заинтересованы в том, чтобы сегодняшний их разговор оставался в тайне. Тема была крайне важной для них обоих. И каждый понимал, что, соверши они ошибку при этой встрече, не сносить им обоим головы. Как минимум их ждало разжалование и отправка на фронт.

«Так что же подтолкнуло Лемана на работу с красными? – продолжал думать он, направляясь на встречу с начальником управления имперской безопасности – Выгода? Но в чем? Что могли ему дать сталинские агенты? У него за душой, что в тридцатых, что теперь, нет ни пфеннига. Он как жил со своей женой до войны в скромной квартире на Зименштрассе, так и продолжает жить – Гиммлер мысленно поправил себя в своих рассуждениях. Леман уже не жил в своей квартире, а находился в подвале гестапо под усиленной охраной – Может быть страх? Но какой? Чего ему было бояться? Ну, левачил по молодости. Все мы оттуда вышли. Нам-то уж больше есть чего бояться...»

Сейчас он невольно вспомнил «грехи» ближайшего окружения Гитлера. Эти грехи при удобном случае можно было вменить в вину соратникам фюрера, а уж за расплатой дело бы не стало. Геббельс, этот хромой болтун, поносил фюрера в двадцатых годах последними словами, требуя от слушавших его бюргеров, выкинуть национал-социализм на помойку истории. Мало того, в двадцать пятом он предложил исключить Гитлера из партии. А теперь мелит совсем другое. Да и не мудрено. Ведь тогда его попросту купили. Предложили место главного редактора партийной газеты с окладом двести марок, он и согласился, развернув свою луженую глотку совсем в другую сторону, начал работать на Штрассера²...

О Штрассерах лучше не вспоминать – подумал он, но мысли продолжали роиться в его голове – Геббельс стал секретарем Отто, а я секретарем Грегора. А потом мы попросту сдали Гитлеру своих боссов. Это потом Гесс^{3*} и Геббельс сочинили сказку для немцев о том, как мы боролись с врагами рейха. Врагами? Да какие они были враги? В этой борьбе за власть Гитлер не пожалел даже Эрнста Рема^{4**}, с которым был на «ты» и которого называл своим братом. Конечно, Рэм был гомосексуалистом. Это бросало тень на партию и порочило звание настоящего арийца. Но дело было в другом. Рэм позарился на единовластие фюрера. Не сделай он этого, до сих пор бы таскал в постель смазливых парней. Фюрер на многое может закрывать

---

² Грегор и Отто Штрассеры- основатели национал-социалистической партии Германии, уничтожены спецслужбами нацистской Германии как «враги рейха».

³ * Рудольф Гесс- заместитель Гитлера по партии. В мае 1941 совершил таинственный авиационный перелет в Англию, после чего был объявлен в рейхе сумасшедшим.

⁴ ** Эрнст Рэм- соратник Гитлера, руководитель штурмовых отрядов, расстрелян в 1934 по прямому указанию Гитлера.

глаза, если это не грозит его власти. Ведь он прекрасно знал о сексуальных «играх» Гесса^{5***}, но терпел – Гиммлер вспомнилось, как Гитлер бросил в камин докладную записку партийной разведки с подробным описанием и даже фотографиями «забав» партайгеноссе Гесса – Да, фюрер может держать свое окружение на коротком поводке. Грешите, ребята, только не претендуйте на мое место. Ах, фюрер, фюрер, помнишь ли ты, что именно я первым назвал тебя фюрером партии и нации. Потом уже пропаганда Геббельса растиражировала это клише. Но первым был я. Но ведь не скажешь тебе об этом. И никто не скажет...»

Он приказал водителю остановиться за два квартала от нужного ему дома, достал из-под сиденья саквояж, в котором лежала гражданская верхняя одежда. Рейхсфюрер, натянув на себя утепленный светлый плащ и фетровую шляпу такого же цвета, вышел из машины. Ему казалось, что гражданская одежда делала его незаметным среди немногочисленных прохожих. Но начищенные до блеска хромовые сапоги резко контрастировали с его обликом.

Кальтенбрюннера он заметил еще издали. Сутулая фигура шефа управления имперской безопасности, одетого тоже в гражданскую одежду, маячила среди стволов старых лип.

«Ну и выпендрелся – подумал Кальтенбрюннер, заметив приближающегося рейхсфюрера – Хоть бы сапоги снял, а то скрипят на всю улицу».

– Прекрасна погода сегодня, Эрнст – обратился Гиммлер к Кальтенбрюннеру, протягивая руку для рукопожатия. Оба понимали, что в данной ситуации вскидывать руку и произносить традиционное «Хайль Гитлер» было необязательным.

– Так точно, господин рейхсфюрер – отчеканил шеф РСХА.

«Вот ведь салдофон – подумал Гиммлер, с неприятно ощущая липкость холодной руки Кальтенбрюннера – Волнуется. Эдак он так мне всю игру сломает...»

– Давайте, Эрнст, без официоза. Мы ведь не на плацу и не в казарме.

– Слушаюсь, господин рейхсфюрер.

«Ну да черт с тобой – размышлял Гиммлер – Тебя, видно, не переделаешь»

– Пройдем в дом, Эрнст. Там и поговорим – Гиммлер заметил, как дернулось лицо собеседника и продолжил – Да вы не переживайте, там прослушки нет.

«Так я тебе и поверил – мысленно ответил Кальтенбрюннер – У тебя под каждым стулом по жучку».

Они направились по асфальтированной дорожке к дому. И каждый сделал незаметный жест рукой для включения диктофонов, лежавших у них в карманах.

– Ну и как он себя ведет? – спросил Гиммлер, когда они уже сели в кресла напротив полыхающего камина.

– Он ничего не отрицает – чуть помедлив, ответил Кальтенбрюннер – Говорит, что работал один. Связь поддерживал с красными через человека в русском посольстве...

– Вы хотите сказать, Эрнст, что он работал на них до июля 1941 года?⁶

– Думаю, что он работал на красных до момента своего ареста, господин рейхсфюрер...

– Но тогда с кем он поддерживал связь? Остальные что-то об этом неизвестном говорят?

– Остальные о нем ничего не знают.

– Вы уверены или это ваши предположения?

– Уверен. Мы загоняли им иглы под ногти, пропускали ток через гениталии...

– Давайте без подробностей – Гиммлер раздраженно прервал Кальтенбрюннера – Я знаю, что вы безусловно выполняете приказ фюрера^{7*}. Вы сделали анализ этой шпионской сети?

---

^{5***} За свои сексуальные извращения в высшем руководстве рейха Гесс получил прозвище «черная Берта». Под этим же «именем» Гесс фигурировал и в агентурных материалах внешней разведки СССР

⁶ Сотрудники советского посольства были вывезены из Берлина 2 июля 1941 года в товарных вагонах.

^{7*} В июле 1942 г. Гитлер издал приказ, предусматривавший особо изощренные методы ведения допросов.

– Так точно, господин рейхсфюрер – Кальтенбрюннер извлек из внутреннего кармана своего гражданского пиджака сложенный лист бумаги и протянул его Гиммлеру.

Рейхсфюрер водрузил на нас свое золоченое пенсне и принялся разглядывать аккуратно составленную с немецкой педантичностью схему, озаглавленную «Verbindugen der Roten Kapelie»^{8**}.

«Бог, ты мой! Целая паутина! И это под самым нашим носом. Узнает фюрер, не сносить нам головы – размышлял он – Харро Шульце-Бойзен, министерство авиации – читал он – Арвид Харнак⁹, доктор философии и филологии, министерство экономики; Эрвин Гертс, полковник авиации; Гюнтер Вайзенборн, министерство пропаганды; Эрика фон Брокдорф, графиня; гауптштурмфюрер СС Вильгельм Леман, шеф реферата отдела IV E/1 гестапо¹⁰... Кошмар! Это целый заговор. Да, заговор. Этой идеи и нужно держаться. Пусть это будет не заговор красных, а точнее не только красных, но и происки евреев. В эту версию фюрер быстрее поверит...»

– Интересная картинка, Эрнст. Вы понимаете, чем это пахнет? Трибуналом как минимум. Я думаю, что фюреру будет приятно узнать, что РСХА раскрыло заговор жидо-массонов – Гиммлер выразительно блеснул глазами через свое пенсне на Кальтенбрюннера.

Тот понял намек шефа, но все же решил уточнить детали.

«Бог, ты мой! Целая паутина! И это под самым нашим носом. Узнает фюрер, не сносить нам головы – размышлял он – Харро Шульце-Бойзен, министерство авиации – читал он – Арвид Харнак^{***}, доктор философии и филологии, министерство экономики; Эрвин Гертс, полковник авиации; Гюнтер Вайзенборн, министерство пропаганды; Эрика фон Брокдорф, графиня; гауптштурмфюрер СС Вильгельм Леман, шеф реферата отдела IV E/1 гестапо¹¹... Кошмар! Это целый заговор. Да, заговор. Этой идеи и нужно держаться. Пусть это будет не заговор красных, а точнее не только красных, но и происки евреев. В эту версию фюрер быстрее поверит...»

– Интересная картинка, Эрнст. Вы понимаете, чем это пахнет? Трибуналом как минимум. Я думаю, что фюреру будет приятно узнать, что РСХА раскрыло заговор жидо-массонов – Гиммлер выразительно блеснул глазами через свое пенсне на Кальтенбрюннера.

Тот понял намек шефа, но все же решил уточнить детали.

– А как быть с русскими?

– А что в России евреи перевелись? Да и в Америке тоже. А вот этого – Гиммлер ткнул пальцем в фамилию Лемана на схеме – здесь не должно быть вообще. Вам понятно, Эрнст?

– Так точно, господин рейхсфюрер.

– Хорошо. А кто ведет допросы Лемана?

– После физической обработки ассистентами Лемана допрашиваю лично я.

– Это еще лучше. Никаких следов пребывания Лемана в вашей тюрьме не должно быть.

Вы поняли?

– Так точно.

– Остальных кто допрашивает?

---

^{8**} Verbindugen der Roten Kapelie (нем) – Подпольные связи Красной капеллы. Так в оперативных материалах гестапо именовались группы немецкого Сопротивления, которые работали на связи с разведкой СССР. Позже этот термин был использован писателями различных стран, как символ немецкого подполья времен второй мировой войны. ^{****} Х. Шульце-Бойзен, А. Харнак – руководители немецкого движения Сопротивления. Оба сотрудничали с внешней разведкой СССР. Имели оперативные имена соответственно «Старшина» и «Карсиканец». Погибли в гестаповских застенках в декабре 1942 года. ^{****} Отдела IV E/1 занимался контрразведкой и безопасностью всей военной промышленности третьего рейха.

⁹ Х. Шульце-Бойзен, А. Харнак – руководители немецкого движения Сопротивления, сотрудничавшие с внешней разведкой СССР. Погибли в застенках гестапо в декабре 1942 г.

¹⁰ Отдел IV E/1 занимался контрразведкой и безопасностью всей военной промышленности третьего рейха.

¹¹ Отдел IVE/1 занимался контрразведкой и безопасностью военной промышленности третьего рейха.

- Сакс, Винтенбах, Шульц и Рунге.
- Понятно. Сколько человек арестовали?
- Восемьдесят два.

«Точно, паутина. Вот тебе и всеобщая поддержка идей национал-социализма. Геббельс орет на каждом углу о всеобщей любви нации к фюреру. А оказывается, что всеобщей любви-то и нет. Нужно каленым железом эту нечисть выжигать и морить их в газовых камерах» – подумал рейхсфюрер СС.

- Взяли всех? – спросил он.
- Так точно.

Но Кальтенбрюннер лукавил. Анализ всей сети показывал, что не хватало очень важного звена, которое соединяло бы всю эту подпольную организацию в единую цепь. Возможно, этим звеном был резидент, возможно русский. Допрашиваемые ничего не могли толком сказать об этом человеке. А в том, что они не врал, Кальтенбрюннер был уверен. Работы его подчиненных не мог выдержать никто. Люди или умирали под пытками или говорили правду, но тоже умирали. Правда, чуть попозже¹²¹³.

- Мюллер и Шелленберг ознакомлены с материалами дела? – спросил Гиммлер.
- В общих чертах.

– Пусть пока так и будет. Вы кому-нибудь поручите, чтобы понаблюдали за ними. Проявляют ли они какой-то интерес к материалам дела? Особенно Лемана. Какие дают указания по поводу ведения допросов? В общем, повнимательней присмотрите за ними. А потом мне расскажите. Понятно, о чем я?

- Так точно, господин рейхсфюрер.
- «Тем хуже для тебя» – подумал Гиммлер...

Через четыре часа на стол заместителю фюрера по партии Мартина Бормана легли фотографии, на которых было изображено рукопожатие Гиммлера и Кальтенбрюннера под старыми липами. «Чего это они так вырядились? – с усмешкой подумал руководитель аппарата НСДАП^{1415*} – Этот маскарад не проста. Что-то они явно обсуждают. Вот только, что? И это „что“ нужно выяснить».

Борман поднялся из-за своего массивного, сделанного из ливанского кедра, стола и подошел к бронзовому бюсту Гитлера, возвышающемуся на дубовом постаменте. Он протянул руку и надавил на кнопку, скрытую под подбородком бронзового истукана. Раздался щелчок, и голова фюрера с шорохом отъехала в сторону. Борман извлек из потайного сейфа, о существовании которого знал только он (мастера и рабочие, которые смастерили этот необычный тайник, были предусмотрительно уничтожены), черную кожаную папку. Он расстегнул досье и прежде чем поместить в папку любопытные фотографии пробежал взглядом последнюю страницу, которая была сюда положена две недели назад. Это была справка партийной разведки о вкладах нацистской верхушки в иностранных банках.. «Геббельс – 30 млн. марок в банках Швейцарии и Японии, Геринг – 35 млн. марок, Гиммлер – 17, Гесс-12...» – прочитав это, Борман ухмыльнулся и подумал: «Когда-нибудь эта папочка будет стоить уйму денег...»

В 10 часов утра 21 февраля 1943 года на 15 километре автодороги Берлин – Дрезден произошло дорожно-транспортное происшествие. Грузовик, перевозивший кирпич, на полном

---

¹² Практически все участники «Красной капеллы» были казнены, незначительная часть участников Сопротивления была направлена в концентрационные лагеря.

¹³ Практически все участники «Красной капеллы» были казнены. Незначительная часть была отправлена в концентрационные лагеря, где большинство из них погибло.

¹⁴ Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

¹⁵ * НСДАП- национал-социалистическая рабочая партия Германии.

ходу протаранил лакированный «Мерседес», за рулем которого находился оберштурмбанфюрер СС Езеф Штумф, двумя днями раньше расстрелявший в подвале гестапо Вилли Лемана. От полученных травм эсэсовец скончался на месте. Судебно-медицинская экспертиза, проведенная через 12 часов после аварии, установила, что в крови водителя «Мерседеса» было большое количество алкоголя. В протоколе вскрытия трупа судебный эксперт не указал, что в районе правого предплечья у потерпевшего находился след прокола локтевой вены и кровоподтек размером с пятифениговую монету.

А через неделю в одной из карательных операций в Белоруссии погибли лейтенанты Зальцман и Шлоссер, которые в свое время вели стенограммы допросов Лемана. Никто не обратил внимание на одно обстоятельство, оба офицера были убиты одинаково. Снайперские пули вошли четко под левую лопатку, не оставляя жертвам никаких шансов на спасение. Оба лейтенанта так и не поняли, за что их отправили из столицы в белорусскую глушь.

***

Он с трудом разомкнул тяжелые веки. Луна равнодушно светила на его изможденное лицо, делая его еще более бледным. Уж сколько ночей он видел одно и то же! Светило то росло, то уменьшалось, но всякий раз оно безразлично смотрело на одиноко бредущего человека. Он уже и не помнил, сколько раз видел этот белесый диск, ночуя то в стогах сена, то в заброшенных сараях.

Но сегодня луна была особенной. Она показывала миру, всему бестолковому человечеству свое великолепие. Сегодня было полнолуние.

«Ух, какая громадная!» – подумал он. Но в ту же минуту он отчетливо осознал, что луна светила ему в глаза через... чисто вымытое стекло.

«Где это я?» – он повернул голову и тревожно стал разглядывать комнату, в которой лежал. В противоположном углу под чуть тлеющей лампадкой он разглядел образа, украшенные рушником. Чуть поодаль на бревенчатой стене тикали ходики с такими родными гирыками в виде еловых шишек. По-над стенкой виднелась длинная скамья, покрытая домотканым половичком. А рядом с топчаном, на котором он лежал, белел выбеленный щиток печи, от которого шло тепло.

«Как я сюда попал?» – он пытался вспомнить, но ничего не получалось.

Вдруг он отчетливо услышал звук шаркающих шагов. Скрипнули половицы, и в комнату вошел бородатый старик, который направился к образам. А он наблюдал за этим дедом через сожмуренные ресницы, боясь выдать себя.

Старик встал на колени и начал что-то шептать. Он так породному крестился и отбивал поклоны, что лежавший на топчане невольно вспомнил свою бабушку, которая вот также когда-то истово молилась, прося у всевышнего добра и здоровья всей своей многочисленной родне. «Ах, бабаня, бабаня! – думал он о своей бабушке – Помолись за меня!».

«На каком языке это он молится?» – прислушивался он к всхлипывающему шепоту старика – Вроде, не словацкий и не польский. Да и католики они. Сябры¹⁶¹⁷! – вдруг осенила его догадка – Неужели дошел!?»

А старик меж тем вытер рукавом рубахи глаза, кряхтя, поднялся на ноги и направился к топчану. Мужчина замер. Неожиданно рука старика скользнула под одеяло. И тут лежавший понял, что находится под одеялом абсолютно голым. Старик развязал какие-то тесемки на его бедрах и стянул с его паха глиняную бутылку. Потом дед потряс этим сосудом в воздухе, что-то

---

¹⁶ Самоназвание белорусов.

¹⁷ Сябры- самоназвание людей белорусской национальности

удивленно прошептал и вернул бутылку на прежнее место. Завязав тесьму на бедре мужчины и поправив и одеяло, старик тяжело вздохнул и, шаркая ногами, скрылся за дверь.

Вскоре за стеной послышался звон чего-то железного. Потом где-то рядом раздались легкие удары и скрежет, видимо, дед очищал печь от золы.

– Отец! – попытался крикнуть лежавший на топчане. Но голос его не слушался. Поэтому вместо слова раздалось какое-то нечленораздельное мычание.

– Отец! – еще раз крикнул мужчина. На этот раз получилось значительно лучше.

Звон железа за стеной прекратился, дверь со скрипом приоткрылась и на пороге с керосиновой лампой в руках появилась... молодая девушка с распущенными белокурыми волосами.

– А где дед? – растерянно произнес мужчина.

Девушка с тревогой смотрела на него, и от этого взгляда он почему-то особо отчетливо ощутил себя нагим.

За спиной девушки показалась бородатая голова деда. Он что-то строго сказал девушке, от чего та смутилась и, сунув лампу старику в руку, выскочила из комнаты.

Он оглянулся и, заметив, что дед не смотрит в их сторону, а занят наладкой упряжи на лошади, наклонился к лицу девушки и неумело прикоснулся своими губами к ее щеке. Ее лицо покрылось румянцем. Но она не убежала, а стояла, улыбаясь ему своей почти детской улыбкой.

– Спасибо тебе, Олеся – тихо сказал он – Может быть, передумаешь, и поедем вместе?

– Нет – тихо ответила она и сунула ему в руки узелок с провиантом.

Дед, сидя уже в санях, окликнул их. Молодой человек сел в сани, и лошадь, понукаемая стариком, тронулась в путь. А Олеся стояла у ворот своей избенки, которая и для него теперь стала тоже родной. Она как-то несмело помахала ему рукой, как бы боясь, что кто-то заметит этот ее робкий жест. Он тоже поторопился махнуть ей, ибо вскоре и Олеся, и этот хуторок, приютивший его, скрылись за заснеженными лапами елей.

– Садитесь – седовласый усатый человек в гимнастерке без знаков отличия и меховом жилете указал рукой на сколоченный из сосновых брусков табурет. Кашлянув в кулак, усатый продолжил – Вы должны отдавать себе отчет в том, что у нас возникли некоторые сомнения по поводу вашей личности. Согласитесь, выглядит все странным. Вас нашли в лесу в бессознательном состоянии, с документами на имя Вальтера Шлосса. Вот это – говоривший достал из ящика стола четырехгранный клинок, на рукоятке которого было выгравировано на немецком «Не нам, не нам, но имени твоему» – тоже было при вас. А вы заявляете, что являетесь советским гражданином, но при этом отказываетесь назвать свое имя. Странно, не находите?.

– Да, действительно, все это так – ответил сидящий напротив незнакомец – Я, конечно, мог бы придумать любое имя, ведь вам, находящимся в глубоком фашистском тылу, проверить это было бы практически невозможным. Но я прошу вас при первой же радиосвязи передать в Центр небольшой текст, который бы я написал...

– А с чего вы решили, что у нас есть связь с большой землей? – раздраженно спросил хозяин землянки, в которой происходил разговор. «Что-то этот оборванец через чур много рассуждает – думал он – Зря я согласился принять его в отряде. Похоже это провокатор?»

– Антенну радиации заметить нетрудно – ответил незнакомец – Я понимаю, что моя просьба выглядит странно. Но поверьте, что это вопрос государственной важности...

– Почему я вам должен верить? Я отправлю в эфир, как вы его назвали, текст, а завтра на этом месте объявятся каратели. Ведь и такой сценарий возможен?

– Возможен – вздохнув, ответил незнакомец.

***

В кабинете начальника управления внешней разведки Министерства безопасности СССР раздался резкий телефонный звонок. Фитин, оторвавшись от кипы бумаг, лежавшей на столе, поднял телефонную трубку.

– Фитин у аппарата – уставшим голосом сказал хозяин кабинета.

– Здорово, тезка! – раздалось на том конце провода. Это был заместитель Фитина, весельчак Павел Судоплатов, руководившей советской контрразведкой и одновременно координирующий действия многочисленных партизанских отрядов и подполья на временно оккупированной территории СССР.

– Привет. Что-то ты радостный. Хорошие вести?

– Да, уж, неплохие. В районе Полоцка наши пустили под откос фашистский эшелон с живой силой. Тридцать два вагона утопили, представляешь?

– Ай, да молодцы! – Фитин прекрасно понимал, какая кропотливая работа стояла за такими вот радостными вестями. Понимал он и то, какой громадный вклад вносили партизаны и подпольщики в дело разгрома фашистских захватчиков.

– Слушай, Павел Михайлович, это еще не все. В радиограмме из этого отряда была сделана приписка. Слушай, читаю: « В Альпах снега мало, кататься на лыжах очень сложно. Грег»...

Не дослушав Судоплатова, руководитель советской разведки почти крикнул в трубку:

– Паша, бери бумаги и мигом ко мне.

Положив трубку на аппарат, Фитин с жадностью раскурил папиросу «Казбек» и начал нервно прохаживаться по кабинету.

«Как Грег оказался у белорусских партизан? Ведь он должен быть в Германии. Да, были проблемы со связью, но сейчас радиосвязь налажена, и сигнала опасности от агентов Грега не поступало. Может это немецкая провокация? – размышлял Фитин – Но какой резон немцам вести такую игру? А если они „накрыли“ Грега и под его видом внедрили в партизанский отряд своего агента? Но зачем? Да и Грег не мог им выложить все шифры. Ведь подлинный смысл радиограммы, которую зачитал Судоплатов, означал буквально следующее: „Нуждаюсь в срочной помощи. Операция под угрозой“. А может Грег, опять потеряв связь с Центром, специально отправил своего человека в отряд с заданием передать информацию в Центр? Но сеанс радиосвязи с Берлином был всего лишь пять дней назад».

Размышления Фитина прервал влетевший в кабинет Павел Судоплатов.

– Что ты по этому поводу думаешь? – спросил Фитин своего зама, отложив в сторону прочитанную радиограмму из далекой Белоруссии.

– Я думаю, что это наш Грег – ответил Судоплатов, отхлебнув горячий морковный чай, который минутой раньше в кабинет принес адъютант Фитина – Отряд Щербины – это по-настоящему боевая единица. Особисты в отряде надежные и опытные. Я думаю, что они бы раскололи провокатора. Да и потом, Павел Михайлович, чем мы рискуем? Вывезем Грега в Москву, и будем разбираться тут.

– Ага, если тот, кто выдает себя за Грега, будет нас дожидаться...

– Павел – Судоплатов соскочил со стула и начал ходить по кабинету – Ну сам подумай, какой резон немцам засылать в отряд агента под видом нашего разведчика, ведь мы его просто расколем...

– Расколем, если нам удастся добраться до Белоруссии. А если эта операция специально разработана немцами для разгрома отряда? Мы клюнем на их удочку, и будем стараться всеми силами заполучить своего агента. А они по нашим самолетам выйдут на отряд. Как тебе сценарий?

Судоплатов молчал. Уставившись своим взглядом в портрет Дзержинского, висящий за спиной Фитина, он думал. Потом, опустив глаза на своего шефа, сказал:

– Одно из двух, Павел. Или в Берлине полный провал, и тогда немцы начали с нами игру, или Грегу удалось вырваться и добраться до партизан, и он торопится сообщить нам о провале. Тогда у нас есть возможность поиграть с Берлином.

Фитин с интересом посмотрел на своего тезку. Он высоко ценил способность зама просчитывать комбинации на много ходов вперед.

– Да, в Берлине явно что-то случилось. И в любом случае нам нужно выходить на автора этой шифрограммы. Не поняв, кто ее отправил, мы не сможем понять размеры провала в Германии. Но и рисковать отрядом мы не можем – Фитин, помолчав с полминуты, продолжил – Давай, Павел, вот что сделаем. В ответной радиограмме этому Грегу нужно задать несколько вопросов. Правильные ответы на эти вопросы должен знать только настоящий Грег.

– Сегодня же сделаем, Павел Михайлович – улыбнувшись своей широкой улыбкой, ответил Судоплатов – И если ответы будут правильными, то к концу недели мы сможем вывезти Грега в Москву. Ну а если нет, то им на месте займутся мои ребята.

***

Группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Генрих Мюллер уже давно любил шахматы. Когда у него впервые появилась эта тяга к осознанному передвижению фигур по шахматной доске, он уже и сам не помнил. Постепенно интеллектуальная игра стала для него своеобразным наркотиком, который стимулировал его мыслительные способности. Играя в шахматы с различными людьми, Мюллер сделал для себя открытие, которым не делился даже со своими близкими сослуживцами. Шеф гестапо убедился в том, что соперник, способный продержаться в игре с ним хотя бы до 30 хода, представлял для Мюллера определенную угрозу. Угрозу и в карьере, и в его устоявшемся за долгие годы мировосприятии.

Таких способных соперников было немного, и это Мюллера успокаивало. Но с другой стороны, ему было скучно без этого адреналина.

Пожалуй, самым сильным его соперником в шахматных баталиях был партайгеноссе Борман, который, хотя и не выигрывал у Мюллера шахматных партий, но частенько сводил их к ничьей. Группенфюрер, исходя из собственной теории взаимосвязи интеллекта игрока и степени его угрозы для себя, просто нутром чувствовал, что второе лицо в нацистской партии, ведет очень тонкую игру в политике третьего рейха. И этот «игрок» решал в судьбах большого числа людей, в том числе и самого Мюллера, очень многое. Для шефа гестапо не было секретом, что Борман обладает уникальным досье на всю политическую и военную верхушку Германии. Он был уверен, что в этом тайном скопище секретов немало страниц было посвящено лично ему, Генриху Мюллеру.

Но Мюллер не был бы Мюллером, если бы в один прекрасный момент не понял, что обезопасить себя в этой игре Бормана можно, лишь обладая не менее ценной, с точки зрения секретности и компрометации, информацией против самого партайгеноссе и других главварей рейха. И, поняв это, группенфюрер стал формировать свое досье. Делать это ему было несложно. С одной стороны он, как шеф гестапо и полиции, нередко общался с такими типами, которые знали очень многие секреты нацистских бонз. С другой стороны на него работало почти 25 тысяч так называемых агентов «V», которые за деньги, а чаще безвозмездно, снабжали Мюллера информацией. Такая бессеребрянность агентов объяснялась просто. «Папаша Мюллер» знал об агентах такое, что те в свою очередь готовы были рассказать о ком угодно и что угодно, лишь бы шеф гестапо не разгласил всему свету их самые сокровенные тайны. А тайн было немало, от махинаций с финансами рейха до сексуальных извращений. Кроме этого Мюллер обладал информацией и о генетических корнях многих видных деятелей партии и государства. А это в свете неприкрытой юдофобии верхушки рейха, могло отразиться не только на карьере агента «V», но и на его жизни. А жить хотели все. И такие агенты гестапо

были и в Абвере, и генеральном штабе, и в министерстве иностранных дел, и даже в рейхконцелярии под боком самого Бормана.

Для себя лично Мюллер отождествлял людей с шахматными фигурами. Фюрер, хотя и был «королевой», но являл собой слабую фигуру, которая нуждалась в постоянной защите со всех сторон. Ближайшее окружение Гитлера тоже было слабоватым. «Ферзи» Геринг и Гиммлер могли многое, но при желании их уничтожить была способна и группа «пешек». Гейдриха¹⁸¹⁹ он ассоциировал с прямолинейной «ладьей», которая двигалась только по прямой, как, впрочем, и сам твердолобый Гейдрих. Геббельсу он отводил роль «коня», зажатого рамками своих зигзагообразных действий, что делало его очень удачной мишенью. Себя лично, как, впрочем, и Бормана, Мюллер относил к отряду «офицеров», которые «простреливали» все диагонали и держали под контролем всю «шахматную доску».

Мюллер уважал сильных «игроков». Он по себе знал, как это важно для интересов дела просчитывать комбинацию namного ходов вперед. Люди, которые не могли думать, вызывали у него скуку и раздражение. В своем аппарате он держал людей исполнительных и преданных лично ему, но интеллектуально недалеких. Иметь рядом человека умного группенфюреру было не с руки. Да он, Мюллер, пришел в гестапо не с улицы. У него за спиной была первая мировая война, где он стал профессиональным летчиком, награждение двумя железными крестами, многолетняя служба в криминальной полиции и работа в созданной под покровительством Геринга тайной полиции Баварии. Но, увы, у него не было опыта работы в партии. В НСДАП его приняли лишь в 1939 году. И чего это ему стоило! Хорошо, Гиммлер помог, а то беспартийного шефа гестапо запросто мог подсидеть какой-нибудь дурак с партийным билетом в кармане.

Среди сотрудников центрального аппарата гестапо Мюллер еще в 1938 году обнаружил настоящего «игрока». Этот человек пару раз даже обыграл Мюллера в шахматной игре. По началу шеф гестапо даже оторопел от подобного мастерства, и уже начал подумывать об ошибочности своей шахматно-психологической теории. Но потом он чисто рефлекторно начал сторониться сильного игрока, все же самому выигрывать приятней, чем получать мат от собственного подчиненного.

Звали «игрока» Вилли Леманом. Этот коренастый улыбчивый крепыш, также как и сам Мюллер, пришел в гестапо из криминальной полиции, поэтому в профессионализме ему было трудно отказать. Направленность работы Лемана была специфической, он занимался контрразведкой. И занимался, прямо скажем, неплохо. Отделение, которым он руководил, разрабатывало операции против советских учреждений в довоенной Германии и боролось с коммунистическим подпольем. А накануне войны круг интересов отделения Лемана значительно расширился, ведь рейху нужно было очень надежно хранить свои тайны, особенно те, которые касались новых типов вооружений. Через руки Лемана проходили документы, которые нередко попадали к нему прямоиком со столов Гитлера и его окружения. Вальтер Шелленберг, который по указанию Гиммлера занимался строительством новой разведывательной системы рейха, частенько нахваливал Мюллеру его подчиненного. «Ну что, дружище – бывало, улыбаясь, говорил он шефу гестапо – хорошего я вам контрразведчика нашел?»

Да уж, Мюллеру жаловаться на Лемана не приходилось. Работягой он был отменным, да к тому же в карьеризме замечен не был. Он просто работал, особо не заботясь о карьерном росте. Конечно, он не был лишен некоторого тщеславия, но кто не гордился бы, будучи на его месте, врученной ему лично Гитлером фотографией с собственноручной дарственной надписью фюрера? «Молодчина – размышлял о Лемане Мюллер, наблюдая со стороны за стилем

---

¹⁸ Мартин Гейдрих – заместитель Гиммлера, был убит в середине 1942г. агентами английской разведки.

¹⁹ Мартин Гейдрих – заместитель Гиммлера, был убит в середине 1942 года агентами английской разведки.

работы подчиненного – Именно такие работники мне и нужны. Исполнительные и не мечтающие занять мое место. Жаль, что он болен, но не ноет, а работает. Не то, что некоторые...».

...Но однажды все рухнуло. И Мюллер понял, что его шахматная теория верна на все сто процентов.

С началом войны на территории Германии и оккупированных странах Европы активизировалась подрывная работа антифашистского подполья. И если на первоначальном этапе эти действия антифашистов носили разрозненный характер, то с каждым месяцем организованности в их действиях становилось больше. Гестапо фиксировало эту активность подпольщиков и отлаживало свои контрмеры. Пожалуй, только слепой не мог видеть, что за спинами подпольщиков стояли разведки Советов и англосаксов.

С осени 1941 года гестапо стало фиксировать нарастание активности неизвестных передатчиков в радиоэфире практически по всей Европе. В этой разноголосице поначалу трудно было выявить какую-то систему. Но постепенно стала вырисовываться четкая картина, и гестапо знало, какие передатчики вещают на Запад, а какие в сторону СССР. И, поняв это, ведомство Мюллера занялось охотой на радистов, или, как их называли гестаповцы на своем профессиональном жаргоне, «пианистов». Для этого по всем дорогам рейха колесили специальные автомашины, оснащенные локационным оборудованием. Эффективность работы этих подразделений росла с каждым днем. К середине 1942 года в застенках гестапо оказалось уже более пятидесяти радистов. Кто-то из них закончил свою жизнь, приняв мученическую смерть, а кто-то перешел на службу к бывшему врагу. И вот с такими перевербованными радистами Мюллер очень любил работать. Через них шеф гестапо вел небезуспешную игру с различными разведками, отправляя им дезинформацию.

Однажды на стол Мюллера легла сетка пеленгации наиболее активных «пианистов», которые вещали явно в сторону Москвы. Наложив эту сетку на карту города Трира, группенфюрер к своему удивлению обнаружил, что передатчик работал из дома на Брюккенштрассе. Бог бы с ним, с этим домом, но именно здесь 5 мая 1818 года родился... Карл Маркс – идол коммунистов. От этого открытия у Мюллера даже зачесалась переносица, как это бывало всякий раз, когда он обнаруживал что-то весьма для себя занятное. Такой наглости от красных, а то, что это был красный «пианист» Мюллер уже не сомневался, шеф гестапо не ожидал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.